

ВЕСЬ
ФРЭНСИС

ДИК ФРЭНСИС

БОЙНЯ

МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф93

Dick Francis
BOLT

Copyright © 1986 by Dick Francis

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Фрэнсис, Дик.
Ф93 Бойня / Дик Фрэнсис ; [пер. с англ. А. С. Хро-
мовой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Весь
Дик Фрэнсис).

ISBN 978-5-699-81876-1

Принцессу Касилию де Бреску и ее мужа с помощью угроз пытаются заставить принять решение, абсолютно немислимое для этих принципиальных и уважаемых людей. Кит Филдинг, жокей принцессы и незаурядный детектив, оказывается непосредственным участником событий, драматическая пружина которых закручивается все туже: совершено покушение на племянника Касилии, одна за другой гибнут ее лучшие лошади, да и жизни самого Филдинга угрожает смертельная опасность. Удастся ли ему остановить эту кровавую бойню?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-81876-1

© Хромова А.С., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ГЛАВА 1

Февраль снаружи, февраль внутри. Настроение под стать погоде: сыро, пасмурно, близко к нулю. Я шел от весовой к паддоку ипподрома в Ньюбери, стараясь не разыскивать взглядом лица, которого здесь нет и быть не может, знакомого до мельчайшей черточки лица. Даниэль де Бреску. Мы с ней были официально помолвлены — бриллиантовое кольцо и все такое.

Когда я просил ее руки и получил согласие, тогда, в ноябре, это было радостной неожиданностью. Это пробудило меня, взволновало, сделало счастливым... Но сохранить ее сейчас, во время предвесенних заморозков, оказалось не так-то просто. Моя темноволосая возлюбленная, похоже, решила обратить свои взоры от простого жокея-стиплера (то есть меня) на более почтенного, более богатого и более утонченного джентльмена благородных кровей (он был принцем), который к тому же имел наглость быть красавцем.

Я старался выглядеть невозмутимым, но все мое горе и разочарование проявлялись в скачках. Я брал препятствия очертя голову, принимая опасность как наркотик, который должен заглушить боль. Неразумно, конечно, заниматься опасной

работой, когда мысли твои витают где-то вдалеке, но транквилизаторы бывают разные.

В паддоке, как обычно, ждала принцесса Касилия. Даниэль, племянницы ее мужа, на этот раз рядом не было. Принцесса смотрела, как выводят ее скакуна, Каскада. Я подошел, пожал протянутую мне руку и слегка поклонился в знак почтения.

— Холодный сегодня день, — сказала она в качестве приветствия. Говорила она чисто — лишь слабый акцент напоминал о том, что принцесса не англичанка.

— Да, холодно, — согласился я.

Даниэль не пришла. Ну да, конечно. Глупо было надеяться. Она весело сообщила по телефону, что на эти выходные не приедет: она с принцем и его друзьями уезжает на сказочное флорентийское собрание в отель в Озерной области. Там будут лекции по итальянскому Возрождению, которые читает хранитель коллекции итальянской живописи Лувра, и все такое в том же духе. Такая замечательная, уникальная возможность, она уверена, что я ее понимаю...

Вот уже третьи выходные подряд она была уверена, что я понимаю...

Принцесса, как всегда, выглядела великолепно: стройная и исключительно женственная. Она куталась в мягкую соболью шубку, ниспадающую с узких плеч. Обычно она ходила с непокрытой головой, укладывая темные прямые волосы в высокую прическу, но сейчас надела высокую меховую шапку в русском стиле. Я мимоходом подумал, что немногие смогли бы носить ее с большим изяществом. Я ездил на лошадях Касилии уже больше де-

сяти лет и хорошо знал костюмы, в каких принцесса появлялась на скачках. Эта шапка была новой.

Она заметила, на что направлен мой взгляд, увидела мое восхищение, но сказала только:

— Как вы думаете, Каскаду не холодно?

— Ничего, быстрее скакать будет, — ответил я.

Если я ничего не скажу насчет отсутствия Даниэль, сама она об этом не упомянет. Всегда сдержанная, принцесса скрывала свои мысли за длинными ресницами и цеплялась за светские манеры, используя их как щит против самых страшных атак внешнего мира. Я знал ее достаточно долго, чтобы научиться ценить столь обдуманное поведение. Она могла усмирить бурю с помощью любезности, успокоить гром невозмутимой светской болтовней и обезоружить самого задиристого противника тем, что ожидала от него приличного поведения. Я знал, принцесса уверена, что я буду держать свое горе при себе, и ей будет очень неловко, если я заговорю об этом.

С другой стороны, она прекрасно понимала, в каком затруднительном положении я нахожусь. Мало того, что Даниэль была племянницей ее мужа, — Литси, тот принц, что сейчас развлекал Даниэль на этом сборище имени пятнадцатого века, приходился племянником ей самой.

Племянник принцессы, Литси, и Даниэль, племянница ее мужа, оба гостили в ее доме на Итон-сквер. Я предполагал, что они не расстанутся с завтрака до ужина — и с ужина до завтрака.

— Каковы наши шансы? — спросила принцесса ровным тоном.

— Довольно хорошие.

Она кивнула, исполненная приятных надежд на новую победу.

Каскад, несмотря на полное отсутствие мозгов, был преуспевающим победителем многих двухмильных стипль-чезов и в прошлом не раз оставлял позади всех своих соперников на этом самом ипподроме. Если повезет, он снова всех обойдет. Но никогда нельзя загадывать заранее, ни в скачках, ни в жизни...

Принц Литси — полное его имя в ярд длиной и, с моей точки зрения, совершенно непроизносимое — был образованным, культурным, обаятельным и доброжелательным космополитом. Он говорил на великолепном правильном английском, без малейшего акцента, свойственного его тетушке, что неудивительно: он родился, когда его августейшие дедушка с бабушкой уже были низложены, и большую часть детства провел в Англии.

Теперь он жил во Франции, но я за эти годы несколько раз встречался с ним, когда он приезжал навестить тетю и приходил с нею на скачки. Он мне по-своему нравился, а вообще я его почти не знал. Когда я услышал, что он приезжает в гости, я даже не подумал, какое впечатление он может произвести на блестящую американку, которая работает в информационном агентстве и тоскует по Леонардо да Винчи.

— Кит! — сказала принцесса.

Я оторвался от размышлений об Озерной области и сосредоточился на ее спокойном лице.

— Ну что ж, — сказал я, — одни скачки труднее, другие легче.

— Вы уж постарайтесь!

— Хорошо.

Наши встречи перед скачками со временем превратились в короткие спокойные интерлюдии, во время которых мы мало говорили, потому что понимали друг друга без слов. Большинство владельцев приходили в паддок в сопровождении своих тренеров, но Уайкем Харлоу, тренировавший лошадей принцессы, в последнее время перестал посещать скачки. Он постарел, и ему трудно было развезжать туда-сюда, да еще зимой. Уайкему уже изменяла память, и колени у него дрожали, и все же то человеческое отношение к лошадям, которое с самого начала вывело его в ряды лучших тренеров, не изменяло ему. И он по-прежнему выпускал из своей конюшни на восемьдесят голов нескончаемую череду победителей, и я ездил на них, поминная Уайкема добрым словом.

Принцесса неумоимо появлялась на скачках в любую погоду. Она гордилась подвигами своих «приемных детей», обсуждала их будущее, вспоминала прошлое, заполняя свои дни делом, интерес к которому не угасал. За много лет у нас с нею сложились отношения официальные и в то же время достаточно тесные. Мы делили радость успеха и горечь поражения, легко понимали друг друга во всем, что касалось скачек — а в остальном наши жизни не пересекались.

Так было до прошлого ноября, когда Даниэль приехала из Америки, потому что ее прислали работать в Лондон, и очутилась у меня в постели. С тех пор Касилия видела во мне будущего члена своей семьи и часто приглашала в гости, но наши отношения, особенно на скачках, остались преж-

ними. Они сложились слишком давно и, похоже, устраивали нас обоих.

— Желаю удачи! — беспечно сказала она, когда пришло время садиться в седло. Мы с Каскадом легким галопом направились к старту. Он, видимо, разогревался, но, как обычно, ничего не сообщал мне о своих ощущениях. С некоторыми лошадьми мысленное общение может быть почти таким же внятным, как человеческая речь, но вороной, стройный, резвый Каскад постоянно пребывал в беспомощном молчании.

Скачка оказалась куда труднее, чем я думал: один из наших соперников за то время, что мы не встречались, стал значительно более опытным. Они с Каскадом шли голова в голову, и на поворотах он висел на нас, как репей. После последних четырех препятствий, на финишной прямой, он по-прежнему шел бок о бок с Каскадом: его жокей отжимал нас в сторону, хотя вся дорожка была свободна. Это была деморализующая тактика — этот жокей часто использовал ее против лошадей, которых считал опасными соперниками. Но я был не в том настроении, чтобы позволить ему или кому-то другому загонять меня в угол. В душе у меня кипела безжалостная ярость, я с трудом сдерживал рвущееся наружу отчаяние.

Я жестко вывел Каскада на последние препятствия и безжалостно погнал его на финишной прямой. Быть может, ему это не нравилось, но ведь он мне ничего не говорил.

Мы обошли противника на несколько дюймов. Каскад сделал несколько неверных шагов и остановился. Мне было немного стыдно. Я не радовал-

ся победе и, возвращаясь туда, где расседлывали лошадей, испытывал не очищающее освобождение от напряжения, а только нарастающий страх, что моя лошадь вот-вот упадет мертвой от перенапряжения.

Каскад на трясущихся ногах прошел к месту победителя, чтобы принять похвалу, несомненно, им заслуженную. Принцесса подошла, чтобы поздравить его. Глаза у нее были слегка встревоженные. Результат фотофиниша был уже объявлен. Каскад действительно победил. Но принцесса, похоже, больше беспокоилась не о победе, а о том, какой ценой она досталась.

— Вы его не слишком гнали? — спросила она, когда я соскользнул на землю. — По-моему, вы перестарались, а, Кит?

Я похлопал Каскада по дымящейся шее. Рука сразу стала мокрой от пота. Многие лошади не выдержали бы такого напряжения — но Каскад выдержал.

— Он молодец, — сказал я. — Выложился полностью.

Принцесса смотрела, как я расстегнул подпруги и снял седло. Конь стоял не двигаясь, опустив голову от усталости, пока Дасти, путешествующий с ним главный конюх, накрывал его взмыленное тело теплой попоной, чтобы лошадь не простыла.

— Вам не надо ничего доказывать, Кит, — сказала принцесса очень отчетливо. — Ни мне, ни кому-то другому.

Я в это время забрасывал подпруги на седло. Услышав такое, я остановился и в изумлении воззрился на нее. Никогда еще я не слышал от нее ничего

столь личного, никогда при мне она не высказывалась столь недвусмысленно. Наверно, мое горе отразилось у меня на лице слишком отчетливо...

Я медленно закончил собирать подпруги.

— Я, наверно, пойду взвешиваться... — сказал я.

Она кивнула.

— Спасибо, — добавил я.

Она снова кивнула и похлопала меня по руке знакомым жестом, выражавшим одновременно понимание и разрешение удалиться. Я повернулся, чтобы идти в весовую, и увидел, как к Каскаду решительно направляется один из распорядителей. Приближаясь, распорядитель пристально рассматривал коня. Распорядители всегда очень пристально рассматривают лошадей, когда есть подозрение, что с лошадью обошлись жестоко, но в глазах данного конкретного распорядителя светилось нечто большее, чем просто забота о животном.

Я приостановился. Мне стало тоскливо. Принцесса проследила мой взгляд и снова заглянула мне в лицо. Я встретился с ней глазами и увидел, что она все понимает.

— Идите-идите, — сказала она. — Взвешивайтесь.

Я с благодарностью удалился, оставив ее разбираться с человеком, который, наверно, больше всего на свете хотел, чтобы меня лишили жокейской лицензии.

А возможно, и самой жизни.

Мейнард Аллардек, бывший сегодня распорядителем на скачках в Ньюбери (о чем я временно забыл), имел множество причин, важных и не очень, ненавидеть меня, Кита Филдинга.

Наиболее важные причины были иррациональны, и потому бороться с ними было практически невозможно. Они произрастали из кровной вражды между нашими семьями, насчитывавшей более трех веков. Эта вражда породила немало кровавых деяний. Филдинги не раз убивали Аллардеков, а Аллардеки — Филдингов. Нам с моей сестрой-близнецом Холли дедушка с самого рождения внушал, что все Аллардеки бесчестны, трусливы, подлы и вообще достойны всяческого презрения. Мы, вероятно, всю жизнь так и пребывали бы в этом убеждении, если бы Холли, вопреки всей этой вражде Монтекки и Капулетти, не угораздило влюбиться в одного из Аллардеков и выйти за него замуж.

Бобби Аллардек, ее муж, вопреки всему не был ни бесчестен, ни труслив, ни подл. Это был очень приятный и доброжелательный человек, работавший тренером лошадей в Ньюмаркете. Благодаря этому браку нам с Бобби наконец удалось положить конец вековой вражде в нашем поколении. Но отец Бобби, Мейнард Аллардек, по-прежнему цеплялся за прошлое.

Мейнард так и не простил Бобби этого «предательства». Вместо того чтобы смириться с решением сына, старик лишь укрепился во мнении, что все Филдинги — а мы с Холли в особенности — воры, мерзавцы, вероломные и жестокие. К моей тихой и безобидной сестрице Холли все это явно не относилось, но Мейнард видел всех Филдингов исключительно в черном свете.

Холли мне рассказывала, что, когда Бобби сообщил отцу (дело было у них на кухне), что Холли

беременна и что его внук волей-неволей будет носить в себе гены и кровь как Аллардеков, так и Филдингов, Холли показалось, что Мейнард вот-вот задушит ее. Он уже буквально тянулся к ее горлу — но вдруг отвернулся, и его стошнило в раковину. Холли это так потрясло! И Бобби поклялся, что ноги его отца больше не будет в их доме.

Мейнард Аллардек был членом Жокейского клуба и использовал все свое обаяние, чтобы занять самый высокий руководящий пост, какого он только мог достичь. Он уже был распорядителем на нескольких крупных скачках и теперь стремился пробиться в триумvirат — троицу главных распорядителей Жокейского клуба, из которых раз в три года избирается старший распорядитель.

Для Филдинга, работающего жокеем, избрание Аллардека на пост, предоставляющий последнему практически неограниченную власть над любым жокеем, означало бы катастрофу. Отсюда проистекали более понятные причины ненависти Мейнарда ко мне: по ряду обстоятельств Мейнард не мог погубить мою карьеру, жизнь или репутацию, не погубив при этом самого себя. Об этом знали я, он и еще несколько человек — достаточно, чтобы во всем, имеющем отношение к скачкам, Мейнард был вынужден обращаться со мной достаточно честно.

Но если он сумеет доказать, что я действительно жестоко обошелся с Каскадом, это позволит ему на совершенно законном основании лишиться меня лицензии. Что он и сделает с превеликой радостью. В разгар скачки, охваченный вышедшими

из-под контроля эмоциями, я просто не подумал о том, что он следит за мной с трибун.

Я вошел в весовую, сел на весы, потом вернулся к двери и встал так, чтобы можно было видеть то, что происходило снаружи. Прячась в тени, я наблюдал, как Мейнард разговаривал с принцессой. Выражение лица принцессы было самое что ни на есть любезное. Они обошли вокруг дрожащего Каскада, который по-прежнему дымился, не смотря на холод. Мейнард приказал Дасти снять с лошади широкую попону.

Мейнард, как всегда, выглядел безупречным, достойным и важным джентльменом. Этот внешний облик весьма помогал ему как в делах — он сделал себе состояние за счет других людей, — так и в продвижении по социальной лестнице — он щедро жертвовал на благотворительность и никогда не упускал случая похвалить себя за это. Лишь сравнительно немногие люди, сумевшие разглядеть его низменную, грубую, жестокую душу, имели наглость оставаться равнодушными к его слащавой оболочке.

Из почтения к принцессе Мейнард снял шляпу и держал ее прижатой к груди. Его светлые седеющие волосы были скромно расчесаны на пробор. Он едва не извивался от желания угодить принцессе и в то же время очернить ее жокея. Я побаивался, что ему все же удастся убедить ее в том, что да, видимо, на этот раз Кит Филдинг действительно был жесток с ее лошадейю...

Ну что ж... Рубцов на шкуре Каскада они не найдут: хлыстом я почти не пользовался. Соперник шел так близко, что когда я вскинул руку, то